

Игорь Хрусталев

Делец включается в игру

Делец

Игорь Хрусталев

Делец включается в игру

«Научная книга»

Хрусталеv И.

Делец включается в игру / И. Хрусталеv — «Научная книга»,
— (Делец)

Содержание

Предоплата	5
\$ 1	6
\$ 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Игорь Хрусталеv

Делец включается в игру

Предоплата

В комнате находились трое.

Вернее, двое, если считать только живых. Но и эта цифра уже начинала колебаться и все вернее склоняться в сторону единицы.

Несмотря на то, что в мою переносицу было направлено дуло «ТТ», в голове исправно работал естественный калькулятор. После того, как я подбил неизбежный итог, исходная сумма уменьшилась на порядок. Новая истина, блин – новая ясность, как говорили умные древние.

Зато у меня теперь были развязаны руки и степень свободы моих действий на порядок увеличилась. Если, конечно, свободу вообще можно измерять.

И тогда я решился.

Впрочем, данный поступок требуется обосновать. А для этого надо вспоминать, как началась история, которая привела к такой необычной развязке.

\$ 1

К семи тридцати красное не выпало ни разу. Можно подумать, что у рулетки траур. И это вы называете отдыхом? Когда через два... какое через два! через полтора часа уже нужно быть на работе, а красное все не выпадает.

А еще говорят, кому в картах не везет, тому в любви... сами понимаете.

Я невольно покосился на ту рыженькую с длинными ногами, что торчала с полуночи возле стойки бара, взгромоздившись на высокий табурет.

Девушка немедленно поймала мой взгляд и ласково так улыбнулась.

Я тяжело вздохнул и отвернулся. В общем-то, пословица права. Это создание явно не прочь провести со мной пару часов или лет. Ведь рыженькая все время наблюдала за игрой и могла подсчитать, что восемь тысяч баксов, на которые я поднял в эту ночь заведение, она смогла бы заработать максимум за три месяца. И это при том, что она не будет выбиваться из графика.

Нет уж, как-нибудь в другой раз. Тем паче, что в пословице речь шла о картах.

Я медленно поднялся, осторожно высвобождая юркнувший под крышку стола живот и, улыбнувшись крупье, направился к выходу.

Машинально я затормозил, проходя мимо бара. И это произошло вовсе не потому, чтобы я переменял намерения относительно рыженькой.

Просто обычно я заканчивал утро в «Желтом попугае» и начинал день с рюмочки «Хеннеси».

Но сегодня я вспомнил об Аркадии Гессене. Вице-президент «Ледокола», то есть, второй человек в фирме после меня, сейчас был вынужден просиживать штаны в офисе, несмотря на то, что надбавку за сверхурочную ему никто не заплатит. Более того, работа была настолько серьезной и настолько секретной, что он не мог переложить ее на плечи одного из своих референтов.

Просидев почти двое суток над бумагами, я окончательно опух и взял два дня отгула, свалив все проблемы на Аркашу. Отославшись, я решил разрядиться и провел половину ночи в казино.

За рулеткой, кстати, всегда лучше думается – пока шарик бежит, в голову приходят самые неожиданные и большей частью продуктивные мысли.

А сейчас я стоял перед баром, задаваясь извечным вопросом: пить или не пить.

Вот Аркаша даже бы думать на стал, потому что эту проблему он для себя решил.

Аркаша бросил пить несколько месяцев назад, имплантировав в свой несчастный организм торпеду. На работе еще шутили, что теперь торговля алкоголем должна резко подскочить, так как вице завязал.

Кстати, так и получилось.

Шура Шерстобитов, который сидел в нашей фирме на водке, резко поднялся и теперь его оборотка успевала крутиться не только на спиртном. Подразделение по бухалу носило поэтическое название «Аквивита», которое исторг, кстати, именно Гессен. Это произошло вот за этой самой стойкой, кажется, четвертый табурет слева, когда наше предприятие только-только начинало становиться на ноги.

– Нет уж, нет уж, – пробормотал я себе под нос, – в моем положении следует быть крайне осмотрительным. По крайней мере некоторое время. Одна голова хорошо, а две ноги лучше.

Рыженькая, решив, что эти слова относятся к ней, фыркнула и углубилась в свой дешевый коктейль с полуразложившимися вишенками.

Но я имел в виду совершенно другое. Один дринок коньяка, конечно, мне что слону дробина, при моих-то габаритах. Я просто не хотел вести машину будучи даже в наилегчайшей степени опьянения.

Зачем делать подарки гаишникам, которые будут на седьмом небе от счастья, когда им удастся изловить за рулем пьяного Паратова?

Понятно, что для них этот факт не представляет особого интереса, а вот для тех, кому эти ребята подчиняются очень даже представляет.

Так что лучше поостеречься, хотя обычно мне это настроение не свойственно. Но следует учесть, что у меня дважды за вчерашний день проверяли документы. Не исключено, что мою машину пасут.

В таком сложном настроении я медленно проследовал к выходу.

Если подбивать к сегодняшнему утру морально-материальные бабки, то в пассиве числились проигранные грины и чересчур бдительное внимание власти, в активе же уютно располагалось несколько мудрых мыслей, традиционно пришедших во время игры в рулетку плюс гордое имя груздя, которым, как известно, если назвался, то полезай и не проси потом пощады от областной администрации. Все равно ее не будет.

Рассеянно нашарив в кармане черный жетон в десять долларов, я вручил его швейцару. Чересчур жирно, но куда деваться, если в карманах нет чейнджа, то бишь по-русски мелочи. А банкоматом «Попугай» до сих пор почему-то не обзавелся и клиентам приходится гонять до центра на своих тачках, вместо того, чтобы цивилизованно пополнять бюджет предприятия на месте.

Надо бы Плешке подкинуть эту мысль как-нибудь за ужином, он ведь частенько в «Пляс-Рояль» кормится вечерами. Преодолев желание засунуть кредитную карточку прямо в рот учтиво улыбающемуся швейцару, я попросил его передать шефу, чтобы позвонил мне на днях:

– Скажи Плешакову как появится – пусть наберет меня при случае.

– Непременно, Сергей Радимович, всегда рады вас видеть, – учтиво попрощался он.

Хоть этот гражданин не путал мое отчество! Бывший вахтер «Гипропроекта» получал здесь солидную прибавку к пенсии и на совесть отработывал свои кровные. В которые, само собой, неизбежно включались чаевые.

Раннее утро встретило меня прохладой, как в советской песне. А река, соответственно – ветром. Кудрявые, попадавшие мне на дороге к стоянке, вовсе не были рады «веселому пенью гудка» – то есть началу рабочего дня. Кому охота вставать в такую рань!

Мой красный «фerrари» смотрелся на стоянке среди прочих не-роскошей-а-средств-передвижения как рубиновая булавка в ветхом, расплзающемся по швам галстуке. И это при всем при том, что всяких разных интересных машинок было более, чем достаточно.

Наверняка моя тачка для многих – что шило в заднице. А мне плевать. Нравится, и все тут. И, потом, это удобно. Не езжу же я на каддилаке, как некоторые крендели в Москве. Крокодил на десять метров длинны, в таких только на свадьбы да на похороны катаются, а он, бритоголовый, понимаешь, один рассекает. Это действительно, маразм. А у меня – так, особый вкус.

Хорошая ведь машина, правда? Если честно? Ну и о чем тогда разговор!

«Н-новый русский, – бормотал я, усаживаясь за руль, – наверняка это слово придумали „старые советские“, чья молодость просвистела при коммунистах, а вовсе не английские журналюги».

Да, новый, да, русский.

Да, богатый.

У меня, между прочим, ваши дети с внуками трудятся и прилично зарабатывают. Тыща с лишним рабочих мест, если считать по полной – не хило, а?

И, заметьте себе, гипотетическая бабуля, язык в задницу администрации не засовываю, так что упрекнуть меня в разбазаривании средств налогоплательщиков не получится при всем желании.

За отсутствие с моей стороны таких традиционных для предпринимателей знаков внимания администрация меня шибко не любит и видит меня в самых сладких утренних снах искупающего неведомую вину перед государством на стройках народного хозяйства где-нибудь в Сибири. А еще лучше – в карцере какой-нибудь крытой тюрьмы.

Тут администрация кончает от счастья, просыпается и идет на работу. А там ей сообщают, что до воплощения сна в жизнь еще ох как далеко и надо напрячь силы, чтобы свалить Паратова.

И они напрягаются. Вот только как бы не надорвались ненароком...

Утренний поток мыслей неожиданно прервался. Я громко выругался и был вынужден резко затормозить, чтобы не наехать на бесформенную кучу, лежавшую посреди дороги. Черт меня дернул поехать этим переулком, чтобы сократить расстояние. Двинул бы, как все нормальные люди, по шоссе в объезд – не нарвался бы.

Куча, в миллиметре от которой остановились мои колеса, зашевелилась и с трудом поднялась на четвереньки. Этот человек был в доску пьян.

Я машинально посмотрел на часы. Восемь двадцать четыре. Недурно!

Алкаш, которого я чуть не задавил, производил довольно странное впечатление.

Дедок был явно «из хорошей семьи», не бомж. Несмотря на испачканное грязью лицо, он не выглядел алкоголиком. А одежда, если не учитывать неизбежную поношенность, часто встречающуюся у интеллигентных людей не очень большого достатка, вполне могла бы сойти для какого-нибудь заседания научного общества.

Я, честно говоря, уже был готов дать задний ход – выходить из авто очень не хотелось. Сейчас начнет вопить и требовать возмещения морального ущерба явочным порядком, продемонстрирует какой-нибудь застарелый синяк. А такому давать денег глупо – лучше уж прикуривать от купюр сигары, и то больше пользы.

Но человек повернул ко мне лицо и я на секунду приоткрыл рот от удивления.

Передо мной стоял на полусогнутых ногах, с трудом держась за ствол облезлого каштана... призрак. Самый настоящий призрак – человек из моей прошлой жизни. И какой человек, господа!

Я едва не переехал своей машиной своего научного руководителя – доктора медицины, профессора Юрия Владимировича Соколова.

В былые дни, когда я бросил работу врача-педиатра и ушел в противочумный институт «Вакцина», Ю Вэ, как мы называли Соколова в институте за его слегка монголоидную внешность, сразу проникся ко мне научной симпатией и взялся за молодого перспективного сотрудника со всей энергией своих шестидесяти лет. Через пять лет поступивший в «Вакцину» лаборант уже был членом Ученого совета института и заседал в обществе тридцати избранных с правом голоса.

Я не сразу понял, что Ю Вэ готовит себе достойную замену и одно время грешил на свою бабушку-эпидемиолога, о знакомстве с которой профессор пару раз мельком упомянул. Держа в голове их предполагаемый роман, я сначала слегка стремался, но потом быстро просек ситуацию и стал вкалывать. Тем паче, что работа предрасполагала к той самой самореализации, которую я не нашел на своем прежнем рабочем месте в желдорбольнице станции Тарасов-1.

Стремглав выскочив из «фerrари» я едва успел подхватить Юрия Владимировича под руки – он уже намеревался снова рухнуть на мать-сыру, только в каком-нибудь более безопасном для его жизни месте. Как я понял, он выбрал кучу мокрой листвы под каштаном.

– А-а, Сережа, – с трудом пролепетал он, еле разжимая сухие слипшиеся губы. – Как странно вас встретить... в столь ранний час...

– А мне-то как странно, Юрий Владимирович, – проговорил я, невзначай подталкивая старика к машине, – вы даже представить себе не можете...

Я прекрасно помнил, что Ю Вэ и по-трезвой отличался завидным упрямством и весьма своеобразными понятиями о чувстве собственного достоинства.

Так что скажи я ему сейчас напрямую, что мол, подброшу до дома на своей тачке, он бы с гневом отверг мое предложение и попытался бы немедленно удалиться с гордо поднятой головой.

Впрочем, и трех шагов бы не прошел, если говорить по совести.

– Давайте немного посидим в тепле, поболтаем, – скороговоркой произнес я, уже усаживая Соколова на сиденье. – В кои-то веки свиделись...

– Да уж, – поджал он губы, – с тех пор, как ты забросил кандидатскую, я на тебя ч-чертовски разоб-биделся... И до сих пор сержусь.

Юрий Владимирович громко икнул в тот самый момент, когда я виновато разводил руками в ответ на его фразу. Выходило, что я еще и как бы оправдываю его теперешнее состояние – с кем, мол, не бывает.

– Н-да, напился я, – констатировал Ю Вэ, – что совсем даже неудивительно...

– Вы полагаете? – осторожно спросил я. – Наверняка у вас был весомый повод.

Честно говоря, я просто подсказывал Соколову ответ, так как боялся, что на самом деле никакого конкретного повода, увы, не было.

Я прекрасно был осведомлен о том, что некогда процветавшая «Вакцина» переживает сейчас не лучшие времена и дышит на ладан.

Если раньше благосостояние сотрудников зиждилось на закрытости учреждения, что влекло за собой нехилые надбавки за вредность и секретность, то во времена всеобщей гласности речь шла уже не о надбавках, а хотя бы о регулярной выплате зарплаты.

Впрочем, даже и не шла.

Большая часть сотрудников разгуливала в неоплачиваемых и размышляла о смысле жизни. Кстати, именно этот набивший оскомину вопрос и заставил меня расстаться в свое время с «Вакциной».

Услышав мое робкое предположение о конкретном поводе, Соколов откинулся на сиденье и зарыдал, прикрыв лицо ладонями.

Пьяные слезы обычно льются немеряно и, как правило, служат вступлением к занудному рассказу на тему «жизнь не удалась» и «когда же все это кончится». Но положение усугублялось тем, что данная проблематика обычно связана с возрастным кризисом и эти вопросы снимаются сами собой годам к шестидесяти. А Юрий Владимирович уже перевалил семидесятилетний рубеж. В такие годы человек устает бороться и делает вид, что помудрел.

Я не мог поверить в такой загадочный рецидив пораженческих настроений в столь почтенной возрасте. Присмотревшись к человеку, скрючившемуся рядом со мной и бессильно исторгающему соленую влагу, я начал подозревать, что повод у профессора, действительно, имеется, и что этот повод довольно веский, если заставил Ю Вэ потерять человеческий облик. Надо разобратся.

Быстренько прикинув возможную причину его рыданий, я отмел несколько тупиковых версий и остановился на двух возможных ответах.

Неизлечимая болезнь для медика не бог весть какой сюрприз; финансовые проблемы вряд ли могли стоять чересчур уж остро – как-никак Соколов получает профессорскую зарплату плюс пенсию, да и нашел же он, на что надраться; проблемы карьеры тут тоже вряд ли могли иметь место – Ю Вэ всегда спокойно относился к мелким и неизбежным пакостям своих собратьев по цеху, принимая их как должное и неизбежное зло, своего рода издержки совмещения научной и административной работы.

Значит, дело связано с семейными проблемами либо с каким-то давлением со стороны.

Если имеет место второе, то я запросто смогу оказаться полезным Соколову.

Теперь следовало постараться его разговорить. Традиционные в подобных случаях выражения типа «все образуется», «другим еще хуже», «не надо расстраиваться», «успокойтесь» здесь явно не пропирали.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – выбрал я наиболее уместную фразу.

Юрий Владимирович отчаянно замотал головой и не менее отчаянно высморкался.

– Нет, конечно, – хрипло ответил профессор и, тут же, противореча сам себе, попросил: – Шарфик я потерял. Может быть, съездим в рюмочную, что на Мичурина? Вдруг он там еще лежит?

– Вдруг, – согласился я и мы поехали по направлению к круглосуточной забегаловке, где мой бывший патрон провел сегодняшнюю ночь.

По дороге в заведение Юрий Владимирович перестал плакать, немного приосанился, расправил сутулые плечи и с головой ушел в себя. Я искоса посматривал на профессора в зеркальце – Соколов меланхолично, с каким-то невыносимым отчаянием и печальной улыбкой изучал свои черные ногти, которыми профессор загребал под себя опавшую листву и царапал ствол каштана.

Я не мог не вспомнить, как мы по пятнадцать минут мыли руки перед работой, перед тем, как надеть перчатки и мне стало как-то не по себе.

– Это здесь, – кивнул он на железную дверь, выкрашенную зеленой краской.

Я заглушил мотор и мы вылезли из машины. Профессор дважды глубоко вздохнул, прочищая легкие и помотал головой, позволяя ветру взлохматить его седые космы. Похоже, Ю Вэ начал понемногу приходить в себя.

Четыре высоких ступеньки вели в подвальное помещение, пропахшее селедкой и кислым пивом. Посетителей в темной рюмочной было немного, в основном работяги забегали опохмелиться перед работой.

– А-а, ученый пожаловал, – громко сказал бармен. – Давненько вы у нас не бухали!

Рослый парень с цветной татуировкой на правом предплечье с иронией смотрел на безуспешно пытающегося принять гордый вид Соколова.

– Вам? – парень обратился ко мне, тут же просканировав мой экстерьер. – Есть текила, «Абсолют». Можно икорки на закусочку.

Я машинально скользнул взглядом по стеклянной витрине, где сох миллиметровый ломтик хлеба с квадратиком масла и сморщенными шариками красной икры. Эта жалобная композиция была украшена веточкой укропа.

– Если б море было пивом, я бы стал большим заливом, – процедил я по привычке и вполголоса обратился к Соколову. – Юрий Владимирович, может пивка? Или соточку для поправки? Как вы на это смотрите?

– Нет, – кратко ответил доктор наук. – Во всяком случае не сейчас.

– Тогда выдайте-ка нам шарф, – вежливо попросил я бармена. – Ваш клиент полагает, что оставил здесь свою вещь. Посмотрите вокруг хозяйским взором, не лежит ли он где-нибудь.

– Ах шарфик! – притворно удивился бармен. – Не лежит ли где-нибудь, говорите? Очень может быть, что и лежит. Этот кент мне весь пол подмел своей курточкой, насилу выставили. Кстати, две кружки разбил, прямо из-под посетителей выбил, когда падал. Люди отдыхали, а он тут безобразничал. А вы говорите – шарфик.

Я поджал губы и строго поглядел на Юрия Владимировича. Тот виновато пожал плечами.

– Да, говорю, – настоял я. – Сколько стоят ваши кружки?

– По пятерочке каждая, – спокойно ответил бармен. – Плюс тарелка с закуской по цене восемь тысяч четыреста пятьдесят.

Я полез в карман, и...

И едва не выругался вслух. В кармане я нащупал только завалившуюся фишку из казино.

Н-да, таким эквивалентом тут не расплатишься. Что же делать? Насыпать в свои ботинки песку и умереть от безысходности?

Предлагать в данной ситуации кредитную карточку было явно глупо – рюмочная была очень низкого пошиба, тут разве что не мочились прямо на пол и моя кредитка была здесь бессильна.

– Мы и так через неделю закрываемся, – жаловался бармен, – надо чтобы рубль в рубль сошелся, а процент боя за квартал и так превышен.

– Закрываетесь? – машинально повторил я. – Что, не окупается погребок?

– Да тут минимаркет очередной открывают, – пояснил бармен. – Наверняка попрут, а мне отсюда до дома двести метров.

– Чье заведение-то? – поинтересовался я, уже нащупывая в кармане телефон.

– ИЧП Карасева, – ответил бармен. – Лицензия от шестнадцатого...

– Не надо мне про ИЧП, – оборвал я. – Кто хозяин, я спрашиваю?

– Вот у Карасева и спрашивайте, – язвительно посоветовал мне он.

– Адрес, – коротко попросил я, набирая номер Гессена, – все равно ведь не спит.

– Мичурина, шесть дробь шестьдесят восемь, – коротко ответил бармен и, отвернувшись, начал протирать одноразовые тарелки.

– Аркаша? – я услышал хмурый голос Гессена. – С добрым утром. У меня небольшая информация. Мы расширяемся еще и по Мичурина.

Я продиктовал номер и удовлетворенно хмыкнул. Вот так-то лучше.

– Ага, спасибо. Нет-нет, не сейчас. Я буду в три, тогда поговорим, – прервал я Гессена, который жаждал поделиться со мной своими соображениями по поводу бумаг, за которыми он провел эту ночь.

Дав отбой, я с американской улыбкой повернулся к бармену, который наострил локаторы, пока я трепался по мобильнику.

– Действительно, ваш гадюшник закрывается, – продолжая улыбаться, сказал я. – А потом снова открывается.

Бармен исподлобья посмотрел в мою сторону, еще не понимая, к чему я клоню.

– Пожалуй, я куплю ваш погреб, – и я продемонстрировал через стойку свою визитку.

«Сергей Радимович Паратов, президент торгово-промышленной ассоциации „Ледокол“, – мог прочесть бармен на простом с виду, но довольно дорогом кусочке негнувшегося желтого пластика.

– А-а, сам Делец пожаловал, – чуть слышно пробормотал бармен.

Эта кличка прочно прилипла ко мне еще в стародавние времена и теперь стала чем-то вроде товарного знака для моей персоны.

– Здесь действительно будет минимаркет по морским продуктам. Как говорил Золотой Ключик, лучшие игрушки – живые лягушки. Аренда лет на десять-двадцать, – радостно сообщил я. – Кстати, если вы хотите сохранить за собой рабочее место, то...

– Все понял, – мгновенно сообразил бармен. – Щас приду.

Он юркнул в служебное помещение и возвратился с серым махровым шарфом, на котором, действительно налипли селедочные кости.

– Вот ваша принадлежность, – протянул он шарфик профессору, – всегда будем рады вас видеть. Хоть в баре, хоть в новом магазине.

– Ну вот и славно, – похвалил я парня и попросил его черкнуть свое имя, чтобы мне потом не облажаться с набором сотрудников. – Запечатлей свои исходники. А я пульту их человеку, который будет работать с кадрами. Пиши разборчиво и ничего не перепутай.

Мое пожелание мгновенно было исполнено со скоростью, которой бы позавидовал мой «феррари». Вот так. И овцы сыты и волки целы.

Более того, догнав нас у двери, бармен всучил нам две бутылки пива и две миниатюрных бутылочки мартини. Я принял подношение, на этот раз с чистой совестью расплатившись фишкой из казино.

– Ну, Юрий Владимирович, что теперь мы делаем? – осведомился я, когда мы поднялись из рюмочной на свежий воздух и снова подошли к машине.

Профессор Соколов неопределенно пожал плечами – мол, все ему безразлично. Однако, один он оставаться явно не хотел.

– Есть одна идея, – ненавязчиво предложил я. – Может быть, вы соблаговолите посетить мой дом? Там и позавтракаем, чем бог послал.

Но тут я сделал серьезную ошибку. При упоминании о еде профессора чуть не вырвало и он скривился в гримасе отвращения.

– Или, хотите посидим где-нибудь в кафе? – выдвинул я вариант. – Могу также предложить восстанавливающий вариант с сауной и массажем.

– О нет, ни в коем случае, – запротестовал Соколов. – С меня на сегодня уже хватит всяких заведений. Лучше уж поедем к вам.

– Конечно лучше. – согласился я и приоткрыл дверцу «феррари».

– А это удобно? – спохватился Юрия Владимирович. – Ваши домашние...

– Очень удобно, – заверил я его. – Никаких домашних. Покой и воля.

Я не оставил своего намерения разговорить старика и решил, что лучше это сделать у меня дома в спокойной обстановке.

Ведь не из-за потери шарфика он рыдал полчаса, в конце-то концов!

– Однако, – лишь хмыкнул профессор, увидев особняк, который я умудрился выстроить в самом центре города, и поспешил добавить, – это я не в упрек вам, Сережа. Даже, можно сказать, рад.

– Рад, что вы рады, – буркнул я себе под нос и завел машину в гараж.

В дом мы поднялись по внутренней лестнице из гаража, а не из парадного.

Домработница должна была придти только завтра утром, так что со вчерашнего вечера в гостиной царил дикий бардак. Прикинув, где в доме почище и попристойнее, я решил принять гостя в спальне.

Профессор сдержанно поблагодарил меня за участие в его судьбе и снова рухнул в какую-то внутреннюю пропасть, уставившись в одну точку.

– Хотите пока слазить в Интернет, посмотреть что-нибудь по теме, – решил я немного развлечь гостя, приоткрывая крышку ноутбука. – Там встречаются любопытные данные по противочумным...

– Н-не хочу, – замотал головой профессор. – Ничего не хочу. Разве что...

– Обязательно, – заверял я Соколова, доставая из пакета дары бармена и ставя их на стол перед Юрием Владимировичем.

Ю Вэ собрался с силами, резко выдохнул и высосал 0,1 л мартини из узкого горлышка.

Прислушавшись к себе, профессор нахмурил брови и вопросительно посмотрел на вторую чекушечку. Я, поймав его взгляд, кивнул:

– Да-да, конечно, угощайтесь. Я приму чего-нибудь из своих запасов.

И я плеснул себе в рюмку глоток шестого «джэка дэниелса». Говорят, любимый напиток ЕБН.

Когда со вторым мартини было покончено, профессор смог говорить.

И то, что я услышал, потрясло меня, словно армянские хижины в Спитаке, где я провел не лучшие, но, возможно, самые главные дни своей жизни.

Оказывается, Юрий Владимирович Соколов запил с горя. Моя догадка насчет семейных проблем подтвердилась самым неожиданным образом.

Его внучка, семнадцатилетняя Нина, в данный момент находилась в КПЗ, где ее содержали на время следствия. Нину обвиняли ни много ни мало в убийстве и, судя по всему, почти не беспочвенно. Вот такие пироги.

– О Господи, какой кошмар! – только и смог я произнести. – Ниночка?! Да я же вот такой ее помню!

И я, с трудом нагнувшись, насколько позволяло пузо, помахал рукой где-то возле своей коленки, демонстрируя рост Ниночки в те незапамятные времена, когда я приходил к Ю Вэ домой обсуждать диссертацию. Поскольку рост у меня довольно высокий, данный отрезок приблизительно соответствовал размерам девочки в юном возрасте.

Но как ни маши рукой, воспроизводя в качестве аргумента юное сопливое создание, данный жест вряд ли произведет впечатление на следователя. Зато может произвести впечатление кое-что другое.

Разузнав у Юрия Владимировича, где сейчас находится Нина и кто ведет дело, я с искренней готовностью пообещал как минимум навести все необходимые справки и помочь чем получится.

– Я не верю в то, что Нина могла пойти на такое, – сказал мне на прощание Ю Вэ. – Я слишком хорошо ее знаю. Но моя убежденность – плохое доказательство, а внушить ее следователю я не могу.

– Да-да, разумеется, – повторял я. – Но надо все как следует разузнать. Купим следова... то есть объективную информацию, посмотрим, что к чему...

– И я их понимаю, – продолжал свою мысль Ю Вэ, – через следственные органы проходят сотни, тысячи таких людей. Поневоле черствеешь. Поверите ли, я даже напился вчера до чертиков. Ах, ну да, ведь вы же меня и выручили... Просто я уже не знаю, что и делать. Руки опускаются и жить больше не хочется.

– Надо взять себя в руки, – наставительно произнес я. – Юрий Владимирович, я понимаю, что это тяжело, почти невозможно, но попробуйте как-то собраться. Предстоит борьба, и я верю в вашу силу духа. Вы были моим учителем и то, чего я добился в этой жизни в немалой степени достигнуто благодаря вам. Да-да, не возражайте. Я считаю себя обязанным вам по гроб жизни и обязательно буду держать ситуацию под контролем.

Стоя уже на самом пороге и комкая в кулаке торчащий из отворотов куртки шарф Юрий Владимирович как-то по-детски беспомощно улыбнулся.

– Попробуйте... хорошо, если вам удастся хоть как-то смягчить... Я-то уже ни на что не надеюсь, – произнес он с отчаянием.

Проводив старика, я некоторое время поахал и попереживал, предаваясь банальным рассуждениям о том, чего только не бывает с человеком.

– Ниночка! Кто бы мог подумать! – несколько раз повторил я вслух.

Ладно, как-нибудь все устроим. Если не удастся скупить четвертую власть на корню, то может быть, спишем на аффект. Убивать, конечно, нехорошо, но, по-моему, надо думать о тех, кто остался жив, а они пусть уже сами делают выводы относительно того, как жить дальше.

Как бы там ни было, нужно произвести некоторые необходимые уточнения.

Я уже собирался было снова побеспокоить Аркашу Гессена, но моя рука замерла на полдороге к телефону. Нет, пусть лучше додумывает то, что я ему поручил, не надо отвлекать человека.

Позвоним-ка мы Епифанову!

Если бы мне предложили за юриста нашей компании его алмазный эквивалент по весу Епифанова, я не раздумывая бы отказался. Епифанов был очень худой, а второго такого доку в нашем правовом беспределе днем с огнем не разыскать. Знал все от и до, смотрел в корень на два хода вперед, семь раз отмерял, один раз стрелял. И всегда попадал в яблочко. За что и ценим.

– Епифаныч? – присел я на ручку кресла, но тут же вскочил, так как орех хрустнул под моими ста двадцатью кг. – Привет, родной. Послушай, тут вот какая история приключилась...

И я быстро продиктовал ему данные, которые выудил у профессора.

– Будь другом, разузнай что, как и почему, – попросил я. – Да, выясни, какого адвоката ей назначат, и не стоит ли сменить, о'кей?

– К трем, – откликнулся Епифанов. – А насчет наших текущих?

– По всякому, – уклончиво ответил я. – К обеду соберемся, обмозгуем.

Дело, над которым сначала корпел я, а потом, обессилив от усталости, спихнул на Аркадия Гессена, было, действительно, крайне сложным.

Требовалось принять конкретное решение. Начинались крупные неприятности с одной из новых контор. Объединение было вполне маргинальное и созданное, так сказать, «до кучи» – почему бы в «Ледоколе» не быть структуре по собакам. Консультации показывали, что бизнес на щенках был довольно прибыльным.

Но оказалось, что человек, который пришел к нам с этим бизнес-планом, не совсем просек ситуацию и вляпался на первых же шагах. И это, не говоря уже о неудачах собственно с живностью.

Шарпеи дошли, бульдоги бесились, а чау-чау лысели со страшной силой. Оказалось, что виноваты поставщики товара, которые оказались абсолютно левой конторой, сбывающей неходовой бракованный товар по подложным родословным. С ребятами разобралась наша служба безопасности и теперь они отрабатывали нам моральный и материальный ущерб, причем были счастливы, что все закончилось именно таким мягким для них вариантом.

Удалось уластить и гневных владельцев некондиционных псов. Этим неблагодарным делом занимались нанятые специально для общения с клиентами кинологи со вторым образованием психотерапевта.

Самым неприятным, однако, оказалось совсем другое. Директор умудрился выпустить на свой страх и риск некоторое количество векселей, которые если что-то и стоили в самом начале проекта, то теперь ими было глупо даже подтираться. Более того, наши лучшие враги в администрации не упустили возможность наехать на новое предприятие, усмотрев в его финансовой деятельности определенные нарушения. После ряда проверок вдоль и поперек стало ясно, что просто так выкрутиться не удастся. Дело еще не завели, но это был вопрос нескольких дней.

Сдавать парня было нельзя, а отстоять его пока не представлялось возможным.

Требовалось немедленно принимать какие-то меры и спасти ситуацию.

Прикорнув на пару часов, я, вроде бы, пришел в норму. К трем я выдернул Гессена в офис. Туда же подвалил и юрист фирмы Епифанов.

– Ну что, Аркадий, говори первым, – предоставил я слово Гессену.

Вице-президент «Ледокола» поднял на меня покрасневшие за бессонную ночь глаза. Откашлявшись и поправив очередной – в желтую полоску галстук на серой рубашке (у Аркадия было 365 одинаковых по цвету и фасону рубашек плюс невообразимое количество галстуков, которые он менял каждый день) вице-президент предложил свой вариант выхода из создавшейся ситуации.

– Я не привожу обоснования, а излагаю только схему, – сразу предупредил Гессен. – Первое. У нас демократия. Второе. Подписку о невыезде наш незадачливый директор не давал. Третье. Если он начнет оформлять визу для поездки в любую заграничную страну, его тогда точно не выпустят. Четвертое. Существует чертова уйма государств с безвизовым въездом. Пятое. Некоторые из них предоставляют гражданство за довольно скромные суммы. Шестое. Человек имеет право отказаться от российского гражданства. Седьмое. Этот крендель становится гражданином Барбадоса. Восьмое. Процесс, если даже он и начнется, не закончится никогда по понятным причинам.

Выслушав Аркашу, все присутствующие замолкли, обдумывая это радикальное предложение. Гессен был большой умницей и если я был в «Ледоколе» как бы руководящей и направляющей, то Аркадий по праву мог бы назваться «мозгом фирмы» Насчет остальных частей тела фирмы мнения коллектива разделялись.

– Епифаныч? – повернулся я к юристу, который уже начал обмозговывать вариант Гессена. – Что у нас по правовой стороне дела?

Юрист говорил сорок минут.

Предложенный Епифановым механизм был крайне сложен и громоздок, но позволял выйти из глубокой задницы в белом костюме.

Речь шла о двойной продаже прав учредителей – сначала одной ингушской конторе, которая, в свою очередь, уступала права московской суперкинологической фирме-монополисту – этим уже было все равно, кого поглощать и как расширяться. Таким образом, возникала ситуация, когда клиенты не имеют претензий, а дело по вексям еще не открыто да и не будет открыто до начала недели. Епифанов обещал, что все документы можно будет составить за выходные и уже в понедельник подписать с партнерами необходимые бумаги.

Получалось, что новая фирма не отвечает за ошибки старой, так как деятельность больше не ведется, а старой фирмы больше не существует.

После небольшого совещания были приняты оба варианта. Все с облегчением вздохнули и следующий час был посвящен уточнению деталей – переговорами с ингушами и выхода на связь с нашим прихватом на Барбадосе.

Когда собрание было закончено и Гессен уже направлялся к бару, чтобы освежиться минералкой (так как, бросив пить, перешел на французские воды, которые стоили едва ли не дороже хорошего виски), а Епифанов укладывал бумаги в портфель, я напомнил ему про Соколова.

– Очень плохо, – серьезно ответил Епифанов. – Хуже не бывает.

\$ 2

История, в подробности которой посвятил меня Елифанов, оказалась настолько дикой, что я даже не верил, будто это произошло с моей знакомой.

Впрочем, перед моими глазами маячил лишь образ малолетней Ниночки, а не почти совершеннолетней девицы, наверняка отягощенной неизбежными половыми проблемами переходного возраста.

Оказалось, что Ниночку обвиняют в убийстве какого-то Иван Иваныча, сантехника ЖКО.

И, что самое печальное, против Ниночки Соколовой были довольно серьезные улики.

Труп молодого парня в спецодежде был обнаружен в квартире Соколова соседкой Марьей Петровной, пенсионеркой шестидесяти шести лет. Она поднималась по лестнице к себе в квартиру и обнаружила открытую дверь у соседей. На всякий случай Марья Петровна постучала, но, поскольку никто ей не откликнулся, решилась заглянуть внутрь, томимая недобрыми предчувствиями.

Предчувствия ее не обманули. В коридоре она обнаружила лежащего на полу мужчину с разможенной головой. Кровь и мозги забрызгали дорогие обои, что особенно неприятно поразило Марию Петровну.

Рядом с сантехником стояла Ниночка, державшая в руках окровавленное орудие убийства – гаечный ключ. Более того, Нина опускала руку, как будто после только что нанесенного удара.

Заметив соседку, девушка лишь улыбнулась и проговорила: «Видите, Марья Петровна, как получилось». Соседка немедленно дала задний ход, дрожащими руками отперла свою дверь, закрылась на все обороты, сначала выпила корвалола, а потом позвонила в милицию.

По ее словам, Ниночка производила впечатление сошедшей с ума Офелии – Марья Петровна всю жизнь проработала билетершей в драмтеатре и не могла не провести пришедшие ей на ум параллели.

Но это еще полбеда.

У Ниночки Соколовой имелись две закадычные подружки еще с детских лет – Настя и Соня, которые дали потрясающие показания.

Оказывалось, что сантехник Иван Иваныч несколько раз чинил протекающие трубы в квартире Соколовых и недавно менял в их туалете унитаз. Во время этих операций он неоднократно отпускал в адрес Ниночки двусмысленные шутки (Юрия Владимировича днем обычно не бывало дома и Нина возвращавшаяся из школы к трем, до вечера сидела одна или с подружками). В последнее посещение сантехника он согласился распить в компании Нины, Насти и Сони бутылочку шампанского и немного потанцевать.

В тот раз праздновался день рождения Сони и девушки позволили себе соорудить скромный десерт с советским полусладким. После медленного танца – сантехник, который позволил называть себя просто Ваней танцевал с Ниной, а Настя с Соней – парень начал давать волю рукам и Нине едва удалось выставить его за порог.

Но, тем не менее, в течение следующей недели Настя и Соня два раза видели Нину, прогуливающейся по улице под ручку с сантехником Ваней.

Последняя прогулка имела место за три дня до случившейся трагедии. Подружки свидетельствовали, что на этот раз Нина вела себя довольно несдержанно, а Ваня довольно резко обрывал ее.

Они расстались на бульваре, явно недовольные друг другом – Нина изо всей силы цеплялась за рукав его куртки, а Ваня, бранясь, с трудом отлепил от своей одежды ее руку и ушел быстрым шагом.

Настя с Соней предположили, что у их подруги завязался непродолжительный роман, который быстро иссяк, и были очень недовольны тем, что одноклассница не поставила их в известность о своем новом приятеле.

Три детали были просто убийственными для дальнейшей судьбы Ниночки.

Во время совместного с Настей просмотра очередной шестидесятиминутки бразильского сериала (вечерний повтор по РТР) Нина, глядя на рыдающую героиню, у которой не складывались интимные взаимоотношения с отрицательным героем, отчетливо произнесла:

– Вот дура! Я бы на ее месте не рыдала, а отомстила бы за себя. Убила бы не глядя и ни минутки потом бы не пожалела!

Это произошло за два дня до убийства. За день случилось еще одна досадная пакость.

Нина с Соней сидели на уроке литературы и Соня увидела, как Соколова, о чем-то задумавшись, набрасывает на лежащем перед ней листке бумаги портрет какого-то человека. Скосив глаза, Соня узнала в нем сантехника Ваню. Завершив набросок, Нина аккуратно выколола картинке глаза, обвела его черной траурной рамочкой и пририсовала сверху крестик, как над могилой.

Этот портрет Нина небрежно скомкала и засунула в парту. Оттуда его и извлекла бдительная Соня. Теперь бумажка фигурировала в деле.

Наконец, в день убийства Нина прогуляла урок химии, несмотря на то, что должна была отчитываться преподавателю по урокам, пропущенным за время болезни. Вместо этого Соколова собрала вещи и на перемене направилась домой. На вопрос подруг, что бы это значило, Нина серьезно ответила, что ей сейчас предстоит решающее объяснение и по сравнению с этим химия – ерунда.

На гаечном ключе были лишь отпечатки пальцев Нины. В квартире не было обнаружено присутствия каких-либо третьих лиц. Подозрение, само собой, пало на Соколову и девушка была заключена под стражу.

Положение усугублялось тем, что Нина наотрез отказывалась давать хоть какие-нибудь показания. Ни уговоры, ни угрозы на нее не действовали, девушка молчала, как рыба об лед и не произносила ни слова.

Впрочем, одна-единственная фраза, которую она обронила, когда на квартиру приехала милиция была, увы, не в ее пользу:

– Рано или поздно это должно было случиться. Он сам во всем виноват.

Услышав этот рассказ, я лишь тяжело вздохнул. Вот тебе и Ниночка, вот тебе, бабушка и юрки в дверь... Что ж, может быть, удастся списать на аффект, как это частенько бывает в таких ситуациях.

– В общем, информация исчерпывающая, – попытожил я. – Скажи мне теперь, Епифаныч, с кем можно поговорить насчет отмазки? Кто у нас мог бы служить посредником в таком благородном деле? Самым соваться стремно, вдруг с суммой переборщим.

– Это Иван Ривкин, – тотчас же откликнулся юрист. – старая лиса, входит в сотню лучших адвокатов страны.

– Иван Ривкин? – удивленно поднял я брови. – Странное сочетание.

– Еще бы! – усмехнулся Епифанов. – Как его звали при рождении никто не решатся сказать, потом, при советах, он был Иван Рыбкин, а потом, когда железный занавес прогрызли, быстренько сообразил, что правильнее стать Ривкиным. Он сменил фамилию и уже вот-вот готов был записаться Йохананом, как стало ясно, что уже никуда ехать не надо и что золотое дно прямо у тебя под руками – только бери и черпай. Так он и остался Ривкиным Иваном Соломоновичем. Пройдоха тот еще, но информирован.

– Вот и славно! – кивнул я. – Забей нам с ним стрелку и отзвони потом сюда.

Я был уверен, что с помощью Ривкина смогу вычислить нужные кнопочки, на которые можно нажать тем или иным способом. И, может быть, Нина отделается символическим условным сроком, если уж речь не пойдет об оправдании...

Епифанов связался со мной через час и спросил, смогу ли я встретиться с Ривкиным в шесть в ресторане «Хромой кентавр».

– А там вообще чем-нибудь кормят? – подозрительно осведомился я.

– Наверняка, – успокоил меня Епифаныч. – Он же недавно открылся, а во всех новых заведениях сначала все на высшем уровне.

– Так тому и быть, – согласился я на предложенные мне время и место.

Действительно, новый ресторан еще не успел скурвиться. На каждого посетителя было как минимум трое официантов, которые только что на коленях не ползали. Как выяснилось в конце вечера, отнюдь не случайно – после трапезы мне предложили проставить оценку за обслуживание на специальном бланке.

Я нарисовал пять с плюсом и официант удалился, просяив неземной улыбкой.

Адвокат Ривкин уже поджидал меня, одиноко восседая за предварительно зарезервированным столиком в глубине огромного зала.

Шествуя в сопровождении метрдотеля к столу (за спиной слышался шепот «Делец прибыл»), я быстренько прикинул, стоит ли мне мельком упомянуть в разговоре про четвертинку своей еврейской крови, но решил, что это не принципиально – Ривкину было все равно, кто перед ним, хоть черт лысый, лишь бы платил.

Мы сдержанно поздоровались и я углубился в меню. Не то что бы я был голоден, просто почувствовал азарт и легкое головокружение, как обычно бывало при посещении нового места в ожидании новой кухни.

– Можете не трудиться, – подал голос Ривкин. – Я взял на себя смелость заказать страуса с финиками – «Охотничий трофей Джека».

– Да-да-да, – нашел я строчку в меню. – С виноградом и грушей. Очень мило.

– Также рекомендую здешний меланж – кофе отличный, а молоко привозное.

– О нет, только не это, – немедленно отказался я. – Понимаете, аллергия на все молочное... Душа не принимает. А, вот это хочу! Принесите нам на десерт тембль «по-парижски». Только, пожалуйста, полейте не коньяком, а черешневой ракией.

Вдохновенное лицо официанта служило лучшим заверением, что все будет сделано так, как захочет клиент – в лучшем виде.

– О вашем деле поговорим до или после? – осведомился Ривкин.

– Не моем, – улыбнулся я. – Отнюдь не моем. Просто неприятности у моего хорошего знакомого. Знаете, такой приличный человек и такие проблемы... Впрочем, как говорили древние, если у вас нет проблем, то это значит, что вы уже умерли...

Ривкин вежливо улыбнулся.

– Обычно я беру пятьсот долларов за консультацию, – тихо произнес он.

– Нет проблем... – я уже полез за бумажником, но адвокат остановил меня.

– Но с вас я не возьму ничего, – твердо произнес Ривкин.

– Почему же такое предпочтение моей персоне? – поинтересовался я.

– Потому что дело, как бы сказать, неординарное, – ответил адвокат.

Я перестал ковыряться в осьминожьем салате и отложил вилку в сторону.

– Вот как? И что же там такого особенного, на ваш взгляд?

Ривкин незаметно оглянулся и проговорил очень-очень тихо, одними губами:

– Дело Нины Соколовой очень грязное. Понимаете, **ОЧЕНЬ**. Задействованы такие фигуры, что вам лучше не соваться. Могу еще добавить, что там совсем не то, что кажется на первый взгляд.

– Хм, любопытно, – поднял я брови. – А что вы еще можете добавить?

Но Ривкин отрицательно помотал головой и, поджав губы, так же тихо произнес:

– Ни-че-го. Именно поэтому я не беру с вас денег.

– Ну, скажем, к примеру, трехкомнатную в центре для следователя Никитина – кажется, у него сын подрастает... м-м... скажем, беспроцентный... или лучше бессрочный кредит для жены прокурора – она ведь сантехнику сюда возит, не так ли? И, если присяжные, то что-нибудь вроде Мальдивских островов для каждого. Могу отправить хоть сразу после судебного заседания. А вам...

Ривкин лишь скривился.

– Не пройдет, – тихо сказал он. – И давайте больше не будем об этом говорить.

Я лишь пожал плечами, демонстрируя почти полное равнодушие, хотя на самом деле был весьма озабочен таким крутым ответом, и мы приступили к трапезе.

Страус оказался не бог весть чем, хотя финики были приготовлены отменно.

Ужин завершился десертом и мы расстались, обменявшись координатами на предмет возможных взаимодействий в неопределенном будущем.

Порядком заинтригованный, я снова заехал в офис на несколько минут, чтобы снять личную почту и задержался ненадолго, изучая состояние наших счетов на Каймановых о-вах.

Как раз в это время в дверь просунулась секретарша и осведомилась, смогу ли я принять посетителя. Разузнав, кто меня домогается, я решил, что смогу. На ловца, как говорится, и зверь.

– О-о, Глеб Иванович! – приветствовал я с порога Усольцева – замдиректора казино «Желтый попугай». – Милости прошу!

Маленький лысоватый Глеб был упакован в какой-то жуткий широкий пиджак с огромными пуговицами. Наверняка от какого-нибудь из местных полусумасшедших кутюр, которые сейчас росли как поганки после дождя. Впрочем, дождик этот был весьма целенаправленным и золотым – через ателье многие сегодня отмывали денежки.

– Сергею Радимовичу! – кивнул Глеб и бухнулся в кресло напротив меня.

Немного помолчав и поерзав, он полез во внутренний карман своего балахона и выудил оттуда маленький футлярчик с монограммой казино.

– Вам презент от босса! – проговорил он, протягивая мне футляр. – Господин Плешаков в курсе вашего сегодняшнего посещения нашего заведения и он решил немного вас приподнять после проигрыша.

– Вот как? – мило улыбнулся я. – Но ведь я хожу к вам не пополнять свой бюджет, а отдыхать. Согласитесь, глупо было бы идти играть в рулетку на шанс или в мини-пуанто-банко с тем, чтобы выиграть.

Мы обменялись короткими смешками и я распечатал футлярчик.

На дне коробочки в шелковой красной материи возлежала махонькая штучка сильно блестящего вида. На всякий случай я присвистнул.

И эта хрень тут же отозвалась. Штучка оказалась золотым брелоком, на котором не без изящества был выгравирован желтый попугайчик. Изготовлена она была «под поиск» – то есть, отзывалась на свист, когда требовалось определить, в каком кармане находятся ключи, только не пищала, как ширпотреб, а наигрывала «Оду к радости» Бетховена, причем весьма мелодично.

– Гран м-мерси, – процедил я. – Очень даже мило.

Я присобачил поющую хрень на связку ключей и продемонстрировал ее Усольцеву. Тот растрогано заулыбался и пояснил:

– Мы решили ввести такой знак для почетных посетителей «Желтого попугая», – быстро-быстро говорил Усольцев. – Пока изготовлено всего пять брелоков, вам решено вручить первый.

– Оч-чень признателен, – поклонился я и вспомнил, о чем собирался поговорить с хозяином казино Плешаковым. – Да, кстати, я вот что подумал. Не пора ли «Попугаю» обзавестись банкоматом?..

– Планируем, – тотчас же отозвался Усольцев. – Есть и еще одна идея – выделить комнату на том же этаже под пункт приема лома драгметаллов.

– Очень правильная идея, – похвалил я Усольцева. – А то вы, наверняка, уже замучились вразумлять красоток, пытающихся поставить свои побрякушки вместо фишек.

Мы болтали еще полчаса и расстались, квакнув по дринку «Ришелье».

Остаток вечера я провел у себя дома в полном одиночестве, убив два часа на нечитанный роман Чэндлера. К полуночи у меня начали слипаться глаза и я, окончательно запутавшись в сложных родственных взаимоотношениях и перекрестных браках действующих лиц, отрубился прямо на тахте и продремал полчаса.

Всколыхнулся я от телефонного звонка – обстоятельный Епифанов проинформировал меня, что с собачьими делами все улажено.

Пообещав Епифаньчу пятидневный отпуск на любом острове в Атлантике, я завалился спать, успокоенный. И лишь Ниночка с гаечным ключом в руке, разносящая череп сантехнику Ване, свербила, как заноза.

Решив, что утро вечера как бы помудренее, я оставил проблему на часы между пробуждением и работой, полагая, что за ночь мое серенькое в черепушке чего-нибудь надывает из подсознательного кладезя.

Хренушки.

Утро было как утро. Я проснулся под таймер в телевизоре и, не вылезая из кровати, прослушал краткую сводку новостей по НТВ.

Судя по подаче информации, нашего «самого» там в грош не ставили и информацию о подписании договора о разграничении полномочий с центром (местные газеты уже неделю исходили восторженными аналитическими статьями) телевизионщики поместили где-то в самом конце блока перед уголовной хроникой. По Сеньке и шапка.

Позавтракав полуфабрикатами (котлетки по-киевски с грибочками), я посмотрелся в зеркало и машинально почесал маленькую лысинку. Этот дурацкий жест у меня вошел в привычку, так что даже Аркаша Гессен как-то с язвительной улыбкой поинтересовался:

– Проверяешь, не заросла ли? Может, стоит потратиться на имплантацию?

– Нет уж, пусть я лучше буду выглядеть как католический монах, – пошутил я, перебирая четки – подарок одного итальянца из ихней братвы.

Я временами использовал их при разговоре, чтобы занять руки. И еще – блестящие бусины при правильном освещении производили на собеседника слабый гипнотический эффект и я подчас этим пользовался.

В дверях я столкнулся с Клавдией Владиславовной. Моя домработница в это утро была, как обычно, грустна и подчеркнута сдержанна.

Не могу сказать, чтобы она меня любила... Как человек человека, разумеется, а не как женщина мужчину. И дело было здесь не в возрастном барьере – тридцать пять моих на сорок пять ее, просто сказывалась разница в социальном положении.

– Как-нибудь сообразите так, чтобы все было тип-топ, – попросил я, сторонясь к косяку и пропуская в квартиру Клавдию Владиславовну с ее принадлежностями, упакованными в большой зеленый пакет. – А то гости приходят, а я их в спальне вынужден принимать.

Та лишь мельком взглянула на меня, давая понять, что не там чисто, где убирают, а там, где не сорят. И проследовала в ванную.

– Сорочки справа, остальное слева, – крикнул я в дверь. – К среде!

Домработница заходила ко мне дважды в неделю – по средам и субботам. Клавдия Владиславовна имела собственный ключ и я ей безоговорочно доверял. Несмотря на отсутствие

ко мне пылких чувств, женщина она была безупречно честная, работающая и предельно аккуратная.

Убиралась Клавдия Владиславовна настолько тщательно, что пару раз мне даже на мгновение показалось, что я переехал в другой дом...

Бросив печальный взгляд на напольные весы, стоявшие в коридоре, я решил оставить себя в неизвестности относительно своего веса. Вчера во мне было сто двадцать пять при росте сто девяносто. Дабы это дело округлить, я решил за неделю сбросить пять кило, но страус с финиками, видимо, лишь усугубил мою комплекцию.

«Ничего, съезжу в субботу на теннис, скину избыток», – пообещал я себе и, удостоверившись, что брелок с попугаем пашет, спустился по лестнице под радостные звуки бетховенского хора.

Мой путь лежал через офис к Соколову – я решил попытаться выяснить у профессора, какие-то особые обстоятельства могли быть замешаны в этом деле. Свидание с Ю Вэ облегчалось для меня тем, что я уже был посвящен в подробности происшедшего и профессору не придется, насилуя свои нервы, выкладывать мне жуткие детали.

Несмотря на субботу, в «Ледокол-центре», как называли головной офис нашей конторы, было довольно многолюдно. Обсуждали новый наезд на ассоциацию в областной газете и назначение главой местного МВД генерала Тараканенко – вопрос о главном менте давно висел в воздухе и разрешился только вчера вечером.

– А что это меняет? – пожал я плечами. – Все равно ведь город в руках Мясоедова. Собственно, именно он настоял на кандидатуре Тараканенко.

– Вот мужик устроился! – почти с восхищением сказал Максим Тренив, наш транспортник. В его словах чувствовалась некая зависть, так как по жизни Максим был под каблуком у жены и частенько оправдывался перед своей благоверной по телефону, когда задерживался.

– Любопытно, на чем держится его влияние? – как бы вскользь проговорил Егор Воронцов, глава нашей службы безопасности. – По рангу Мясоедов вроде бы никто, однако любая собака в городе знает, что он может командовать всеми силовиками, меняя ключевые фигуры в случае необходимости как пешки.

– Да, по сравнению с ним все мы просто дети, – согласился я.

Дети... Черт, а ведь это мысль! И как же мне раньше в голову не пришло?!

– Значит так, – привстал я с кресла, – до понедельника беру аут, звонить только в случае крайней необходимости. Причем не мне, а Аркадию.

– Канары? Гималаи? Бангкок? – поинтересовался Гессен. – Весь оклад на презервативы?

– Моя мечта никчемна и пуста, – солгал я. – немного покоя и здорового сна. А зависть, Аркаша – религия калек, а не коллег.

На самом деле я не собирался плевать в потолок, а поставил себе задачу выяснить всю подноготную дела Нины Соколовой. Но визит к профессору придется отложить – лучше попробовать самому разузнать все на месте.

Может быть, во мне проснулся темперамент бывшего боксера и стремление выйти в ближний бой перевесило желание отдохнуть в выходные.

Тем паче, что противник пока что оставался невидим, и это лишь подогревало любопытство.

Я подрулил на «феррари» к школе, где обучалась Нина со своими подружками и бросил машину метрах в ста от серого кирпичного здания в три этажа.

Время близилось к двум и я вычислил, что это приблизительно конец учебного дня, так что была велика вероятность выловить этих двух закадычных подружек, которые сдают свою обожаемую Нину ментам с потрохами и побеседовать с ними по душам.

Ну не верил я, что девка способна на такое! А я за эти годы успел худо-бедно изучить человеческую натуру, так что могу даже читать лекции по Карнеги, когда разорюсь. Впрочем, это уже почти невозможно, так что моя будущая аудитория уже много потеряла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.